

Роберт Парк

ОРГАНИЗАЦИЯ СООБЩЕСТВА И РОМАНТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР*

I. Постановка проблемы

Недавние локальные исследования в Чикаго показывают, что число компетентных людей в сообществе зачастую не является действительным показателем (если можно использовать это выражение в этом отношении) компетентности сообщества как такового. Высокий коэффициент интеллектуальности сообщества отнюдь не всегда означает и высокую эффективность сообщества.

Первое объяснение такого положения дел, которое приходит на ум, то, что компетентные люди – это, предположительно, специалисты в очень узкой области человеческого опыта и глубоко безразличные к интересам конкретной географической области, в которой им случилось обитать.

Видимо именно некомпетентные люди все еще испытывают живой интерес к делам локальных сообществ наших больших городов. Женщины, в особенности женщины без специального образования, и иммигранты, сегрегированные и вмурованные в невидимые стены чужого для них языка, вынуждены испытывать нечто вроде интереса к своим соседям. Дети в больших городах, по необходимости живущие собственно на земле, и являются настоящими соседями. Банды мальчишек – это соседские образования. Политики – это профессиональные соседи. Когда мальчишеские банды вырастают, как это зачастую бывает, в локальную политику, местный политический босс принимает по отношению к ним роль патрона, а они принимают в отношении него роль клиентов.

Компетентные люди – профессионалы – напротив, большую часть времени проводят за границей, либо в прямом смысле, физически, либо в воображении. Они живут в городе в своих конторах и клубах. Они приходят домой спать. Многие наши пригороды все больше напоминают спальни, в той мере, в какой имеются в виду профессиональные группы. Очень редко кто-то из людей, достаточно знаменитых или достаточно компетентных, чтобы занять свое место в справочнике «Кто есть кто», находит время для чего-то большего, кроме снисходительного интереса к своему локальному сообществу.

С другой стороны, компетентные люди горячо интересуются делами своей профессии. И если бы мы могли организовать нашу политику так, как русские стремятся организовать свою – на основе профессий, в советы, – возможно, это пробудило бы в нашей интеллигенции более, чем дилетантский или спортивный интерес к локальной политике и проблемам локального сообщества. Но настоящая ситуация не такова.

Наша политическая система основана на предположении, что местное сообщество является локальным политическим образованием. Если локальное сообщество организовано, осознает свои локальные интересы, и имеет свое собственное мнение, то тем самым процветает демократия. Есть данные, что пятьдесят процентов избирателей в стране не пользуются своим правом голоса. Если это считать показателем их равнодушия к интересам локального сообщества, то, в то же время, это можно считать и мерой эффективности (или неэффективности) локального сообщества.

Центр национальной ассоциации сообществ (The National Community Center Association) представляет собой пример многочисленных попыток за последние годы

* Robert E. Park. Community Organization and the Romantic Temper. – The City. Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the Urban Environment/ Ed. By R.E. Park and E. W. Burgess. – The University of Chicago Press, 1984. – pp.113-122.

© Центр фундаментальной социологии, 2002г.

© Баньковская С.П., 2002г.

изменить ситуацию, один из признаков которой – отказ от голосования. Организации сообщества имеют своей целью раскрыть, организовать и сделать доступными для локального сообщества ресурсы локального сообщества, в особенности его людские ресурсы. В той мере, в какой это им удастся, сообщество и является эффективным. Как оценить эти ресурсы, как их использовать – это и есть проблемы.

II. Определение сообщества

Но что такое сообщество и что такое его организация? Прежде, чем оценивать эффективность сообщества, следует, по крайней мере, описать его. Простейшее возможное описание сообщества следующее: это собрание людей, занимающих более или менее четко определенную область. Но сообщество – это нечто большее, чем данное определение. Сообщество – это не просто собрание людей, но собрание институтов. Не люди, но институты являются конечным и решающим фактором, отличающим сообщество от других социальных констелляций.

Среди институтов сообщества всегда будут выделяться домашние хозяйства и кое-что еще – церкви, школы, дворы, местные места собраний, возможно, театры и, конечно же, деловые и промышленные предприятия. Сообщества вполне можно классифицировать по количеству и разнообразию институтов – культурных, политических и профессиональных, – которые они в себя включают. Это могло бы указать на то, в какой мере они автономны или же, наоборот, – в какой степени функции сообщества опосредованы, так сказать, и включены в более обширное сообщество.

Более обширное сообщество существует всегда. Любое отдельное сообщество является частью какого-либо более обширного и всеобъемлющего сообщества. Больше не существует сообществ полностью изолированных и отдаленных, все они взаимозависимы экономически и политически. Всеохватывающим является мировое сообщество.

А) *Экологическая организация.* В пределах любого сообщества его институты – экономические, политические и культурные – оказываются более или менее четко определенными и распределенными. Например, в сообществе всегда есть центр и периферия, чем и определяется положение каждого отдельного (внутреннего) сообщества относительно других. Внутри таким образом определенной области локальное население и локальные институты группируются в некоторый характерный тип, который зависит от географии, линий коммуникации и цен на землю. Это распределение населения и институтов мы можем назвать экологической организацией сообщества.

Городское планирование – это попытка направлять и контролировать процесс экологической организации. Городское планирование, однако, не такая простая вещь, как это может показаться. Города, даже такие, как Вашингтон, очень тщательно спланированные, всегда уходят из-под контроля. Существующий план города никогда не является простым артефактом, он всегда выступает таким же продуктом природы, как и замысла. Но план – это лишь один из факторов эффективности сообщества.

Б) *Экономическая организация.* В пределах экологической организации, в той мере, в какой существует свободный обмен товаров и услуг, неизбежно вырастает и другой тип организации сообщества, основанный на разделении труда. Это то, что мы можем назвать профессиональной организацией сообщества.

Профессиональная организация, как и экологическая, представляет собой продукт конкуренции. В действительности каждый индивидуальный член сообщества вынужден в результате конкуренции с остальными членами делать не то, что он *хочет*, но то, что он *может* сделать. Наши заветные желания редко реализуются в наших занятиях. Борьба за жизнь определяет, в конечном счете, не только то, где мы должны жить в пределах сообщества, но и то, что мы должны делать.

Количество и разнообразие профессий и занятий в пределах сообщества является, по всей видимости, одним из показателей его компетентности, поскольку в более обширном разделении труда и в условиях большей специализации – в разнообразии интересов и задач,

– в обширной неосознанной кооперации городской жизни отдельный индивид имеет не только возможность, но и вынужден выбирать свое призвание и развивать свои индивидуальные таланты.

Тем не менее, в борьбе за свое место в изменяющемся мире мы несем огромные потери. Профессиональная подготовка – один из способов подготовиться к этой ситуации; предложенная государственная организация занятости – другой. Но до тех пор, пока каким-либо путем не будет достигнута более рациональная организация промышленности, вряд ли стоит надеяться хоть на малейший прогресс в этой области.

В) *Культурная и политическая организация.* Конкуренция в человеческом обществе никогда не бывает неограниченной. Всегда в нем существуют обычай и закон, которые налагают определенные ограничения и сдерживают непосредственные природные порывы индивидуального человека. Культурная и политическая организация сообщества покоится на профессиональной организации, так же, как последняя, в свою очередь, вырастает из экологической организации и основывается на ней.

Именно это последнее подразделение, или сегмент, организации сообщества и представляет основной интерес для центральных ассоциаций сообщества. Политика, религия, благосостояние сообщества, различного рода досуг (гольф, бридж и т.п.) представляют собой занятия свободного времени, и именно свободное время сообщества мы и стремимся организовать.

Аристотель, представлявший человека животным политическим, жил много веков тому назад, но его описание человека намного более точно, чем сегодняшние. Аристотель жил в мире, где искусство, религия и политика были основными интересами в жизни, а публичная жизнь была естественным времяпрепровождением каждого гражданина.

В современных условиях жизни, когда разделение труда зашло так далеко, что, приводя известный случай, для того, чтобы сшить костюм, нужно проделать сто пятьдесят различных операций, ситуация совершенно иная. Большинство из нас на протяжении большей части времени бодрствования настолько заняты исполнением какой-нибудь мельчайшей задачи в общем деле, что мы зачастую теряем из виду все сообщество, в котором мы живем.

С другой стороны, наше свободное время заполняется неутомимым поиском впечатлений. Этот романтический порыв, желание убежать от повседневной скуки домашней жизни и жизни сообщества, толкает нас за его границы в поисках приключений. Это романтическое стремление, которое находит свои самые крайние выражения в танцзалах и джазовых клубах, характерно почти что для каждого проявления современной жизни. Политическая революция и социальная реформа сами по себе зачастую являются лишь выражениями этого романтического порыва. Милленаризм в религии, миссионерство, в особенности стремящееся «в отдаленные области», – все это проявления одного и того же желания уйти от реальности.

Мы всюду охотимся за синей птицей счастья, а теперь мы гоняемся за ней на автомобилях и самолетах. Новые средства передвижения позволили миллионам людей осуществить в своей настоящей жизни полеты, о которых они раньше только могли мечтать. Но эта физическая подвижность есть не что иное как отражение соответствующей ей ментальной нестабильности.

Это беспокойство и тяга к приключениям – по большей части пустые иллюзии, поскольку они непродуктивны. Мы стремимся бежать от унылого мира, вместо того, чтобы обратиться к нему и преобразовать его.

Искусство, религия и политика все еще представляют собой средства, с помощью которых мы участвуем в общественной жизни, но они перестали быть основным нашим интересом. Будучи занятиями свободного времени, они теперь вынуждены соревноваться за внимание с более привлекательными формами досуга. Расточительное отношение к досугу, как мне кажется, обернется большими потерями для американской жизни.

III. Измерение общественной эффективности

Итак, вот наше сообщество. Как нам измерить его эффективность? Здесь нам предстоит узнать, я должен признаться, еще очень многое.

Самый простой и элементарный способ оценить компетентность и эффективность сообщества, отличную от компетентности и эффективности составляющих его отдельных индивидов, – это провести сравнительное исследование социальной статистики этого сообщества. Бедность, болезни, преступность зачастую называют социальными болезнями. Они, можно сказать, являются мерилем того, насколько сообщество оказалось способно обеспечить среду, в которой индивиды его составляющие, могут жить. Или же, утверждая то же самое с противоположных позиций, можно сказать, что это мерило того, насколько индивиды, составляющие сообщество, смогли приспособиться к среде, которую им предложило сообщество.

Сообщество иммигрантов существует, совершенно очевидно, для того, чтобы дать жизнь иммигрантам. Под жизнью мы, однако, понимаем нечто большее, нежели просто физическое существование. Человек – это такое существо, что если он живет, то живет в обществе, в своих надеждах, мечтах и в представлениях других людей. Так или иначе, человек вынужден осуществлять все свои заветные желания, а этих желаний, по У. Томасу, четыре:

Человек стремится, во-первых, к безопасности, т.е. ему нужен дом, откуда он может выйти и куда он может возвратиться;

Он стремится, во-вторых, к новому опыту, впечатлениям, ощущениям, приключениям;

Он стремится, в-третьих, к признанию, т.е. он должен принадлежать к некоторому обществу, в котором у него есть статус, к некоторой группе, в которой он что-то собой представляет, короче говоря, так или иначе он должен быть личностью, а не просто винтиком в экономической или социальной машине.

Наконец, в-четвертых, он хочет иметь привязанности, тесную связь с кем-то или с чем-то; пусть это будет просто кошка или собака, которую он любит и чувствует взаимную любовь. Все специфические человеческие желания, в конечном счете, сводятся к этим четырем категориям, и ни один человек не сможет быть вполне счастлив и доволен, если тем или иным способом не реализует все эти четыре желания более или менее адекватно¹.

Когда я несколько месяцев тому назад был на Западном побережье и изучал там то, что принято называть «расовыми отношениями», я был поражен заметной разницей между группами иммигрантов в их способности приспосабливаться к американской среде и удовлетворять свои жизненные интересы в рамках ограничений, налагаемых на них нашими обычаями и законами.

Иммигрантские сообщества, по всей видимости, включают в круг своих интересов и своих организаций все жизненно важное. Любое иммигрантское сообщество имеет религиозную организацию – синагогу, храм, церковь – с ее различными взаимосвязанными и взаимозависимыми организациями взаимопомощи. Это сообщество имеет также свои деловые предприятия, свои клубы, салоны, кафе, рестораны, места собраний и прессу. Любое иммигрантское сообщество в Америке имеет свою прессу, даже если в той стране, откуда оно иммигрировало, у него не было прессы. Колония иммигрантов чаще всего – это не что иное, как пересаженная на новую землю деревня; Америка фактически была колонизирована не расами или нациями, но деревнями.

Что до компетентности этих эмигрантских сообществ и их способности создать среду, пригодную для жизни иммигрантов, то об этом есть некоторые сведения в статье Реймонда Пирла «Расовые истоки богадельни в Соединенных Штатах», опубликованной в журнале «Science» (October 31, 1924). Один из параграфов этой статьи обрисовывает ситуацию отношений между урожденными в Америке и приезжими:

¹ Robert E. Park. The Significance of Social Research in Social Service// Journal of Applied Sociology (May-June, 1924), pp. 264-65.

Если на 1 января 1923 года в богадельнях находилось 59,8 урожденных в Америке белых на 100 000 представителей этой же категории, то соответствующая цифра для приезжих составляла 173,6. Некоторые усматривали в этом факте угрожающее значение. Возможно, они и правы. Мне он представляется лишь интересным выражением тех трудностей, с которыми человеческий организм сталкивается во время адаптации к новой среде.

Если эти цифры рассматривать, как предлагает доктор Пирл, в качестве показателя трудностей, с которыми сталкивается человеческий организм, приспособляющийся к новой среде, то более пристальное изучение различных расовых групп предоставляет некоторые удивительные результаты.

Перво-наперво, они показывают значительные расхождения между различными иммигрантскими группами по способности приспособляться к американской жизни; во-вторых, они показывают, что расы и национальности, проживающие здесь дольше других, менее всего способны соответствовать требованиям новой среды. Доктор Пирл пишет об этом так:

За некоторыми пустяковыми исключениями все страны, из которых сегодня закон *поощряет* иммиграцию, внесли свою лепту в пополнение богаделен нищими в 1923 году в количестве, *превышающем* их представительство в населении в 1920 году. С другой стороны, опять же за некоторыми незначительными исключениями, те страны, из которых настоящий закон *не поощряет* иммиграцию, оказываются в нижних строчках диаграммы, поскольку они приносят *меньшую* долю нищих в богадельнях в 1923 году, чем доля их представительства в общем населении страны в 1920 году.

В этой связи меня поразили две вещи: 1) менее всего среди бедных в богадельнях представлены недавние иммигранты; 2) среди этих недавних иммигрантов, очевидно, именно те, кто по той или иной причине меньше всего хотели или оказались способны участвовать в американской жизни менее всего, и пополнили бедноту в богадельнях.

Почему это так? Я полагаю, что решающими факторами здесь были не биологические, но социологические. Другими словами, объяснение статистических данных по богадельням в меньшей мере зависит от расового темперамента, чем от социологической традиции. Как раз те иммигранты, которые сохранили в этой стране свои простые деревенские обычаи и организацию взаимопомощи, оказались наиболее способны противостоять потрясениям от столкновения с новой средой.

Эта тема требует дальнейшего исследования. Что может показать сравнительное исследование различных расовых и языковых групп в отношении их заболеваемости, преступности, дезорганизации семьи? Что может дать сравнение японцев, китайцев и мексиканцев в отношении преступлений? Я упомянул эти три группы, поскольку именно они живут и работают бок о бок на Западном побережье.

Перепись населения 1910 года показала, что у мексиканцев самый высокий среди иммигрантских групп в США уровень преступности. Я уверен, что, когда мы получим данные, мы увидим, что у японцев уровень преступности самый низкий, по крайней мере – среди иммигрантских групп на Западном побережье.

Объяснение заключается в том, что японцы (это же можно отнести и к китайцам) организовали то, что можно было бы назвать «организацией контроля», которая решает как их внутренние споры, так и проблемы с внешним большим сообществом.

Японская ассоциация, как и Шесть китайских компаний, организована, чтобы держать своих земляков подальше от судов. Но Японская ассоциация – это нечто большее, чем арбитражный суд или примиряющая инстанция. Ее функция заключается не просто в том, чтобы разрешать споры, но в том, чтобы поддерживать обычаи локального японского сообщества и помогать японцам всеми практическими средствами (в основном – образованием) пробивать себе дорогу в любом сообществе, где они живут. Японцы лучше всех, возможно, за исключением евреев, информированы о том, как живут их соотечественники в Америке.

Один из факторов, который существенно поднял моральный дух японцев (и евреев тоже), – это их борьба за сохранение их расового статуса в Соединенных Штатах. Ничто так не укрепляет внутригрупповую солидарность, по замечанию Самнера, как угроза извне. Ничто так не способствует дисциплинированию национального или расового меньшинства, как противостояние национального или расового большинства. Народы, которые добиваются сегодня или добились в последнее время наибольшего успеха в Америке, – это, как я предполагаю, евреи, негры и японцы. Конечно, не может быть никакого сравнения по степени компетентности между евреями, японцами и неграми. Из всех иммигрировавших в Соединенные Штаты народов евреи самые способные и наиболее прогрессивные, негры же только-только приобретают свое расовое самосознание и еще слегка побаиваются последствий этого нового состояния.

Общим для евреев, негров и японцев является то, что их конфликт с Америкой был достаточно жестким, чтобы создать для каждой из этих групп новое чувство расовой идентичности и дать им солидарность, которая вырастает из общности основ. Существование в народе чувства общих основ в конечном итоге определяет эффективность группы.

В некотором смысле эти сообщества, в которых проживают свои жизни наши иммигранты, можно рассматривать как модель нашего общества в целом. Мы стремимся делать с помощью наших локальных организаций то, что привлечет внимание и интерес к маленькому локальному миру. Мы приветствуем новое местничество, хотим инициировать новое движение, которое будет противостоять романтизму, всегда устремляющему свои взоры за горизонт, которое признает границы и необходимость работы в этих границах. Наша задача состоит в том, чтобы побуждать людей искать Бога в своей деревне и видеть социальные проблемы в своем окружении. Потому-то иммигрантские сообщества заслуживают дальнейшего изучения.

Перевод с английского С.П. Баньковской